

А Н Г Е Л Ы ¹⁾.

Предметъ, о которомъ мы намѣрены говорить, въ высшей степени занимателенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасенъ. Завѣса тайны, отчасти покрывающая его, придастъ ему еще болѣе привлекательности. Опасность же, которой мы подвергаемся изслѣдуя его, состоитъ въ томъ, что въ этой области, еще такъ мало извѣстной, намъ часто придется брать не всегда вѣрнаго путеводаителя—воображеніе.

Чтобы избѣгнуть, насколько возможно, заблужденій, мы спросимъ у природы ея указаній, у исторіи аналогій, какія она можетъ дать намъ; затѣмъ эти данныя мы слѣдимъ съ тѣми, которыя содержатся въ книгѣ откровенія, и такимъ образомъ постараемся уяснить эти разнородные элементы взаимнымъ ихъ сближеніемъ. Если бы мнѣ удалось вывести этотъ интересный предметъ изъ мрака и неопредѣленности, коими онъ окруженъ въ нашемъ умѣ! Эти существа играютъ хотя, конечно, второстепенную, но все же важную роль въ великомъ дѣлѣ Промысла Божія на землѣ.

Мы обратимъ вниманіе на четыре главные пункты:

- 1) Существованіе и природа ангеловъ;
- 2) Образъ ихъ развитія;

¹⁾ Le Chrétien evangelique. 1868. № 2.

- 3) Взаимныя отношенія ихъ;
- 4) Отношенія ихъ къ намъ.

I.

Въ существованіи ангеловъ, конечно, не можетъ сомнѣваться тотъ, кто принимаетъ съ вѣрою библейскія откровенія. Но для людей, не желающихъ руководиться откровеніемъ, неужели нѣтъ доказательствъ, которыя бы убѣдили ихъ въ бытіи существъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящихъ человѣка?

Мы знаемъ на землѣ три класса существъ: растеніе, животное, человѣкъ. Если мы признаемъ, что эти три класса составляютъ нѣчто цѣлое, систему существъ, въ которой четвертое мѣсто предполагается по праву, хотя на дѣлѣ остается незанятымъ въ нашемъ видимомъ мірѣ; то не можемъ ли мы заключить изъ этого, съ большою вѣроятностію, что этотъ четвертый классъ долженъ существовать въ области высшей, чѣмъ та, въ которую могутъ проникнуть наши чувства? А это и есть дѣйствительно фактъ, который мы можемъ доказать.

Замѣтимъ отношеніе индивидуума къ роду въ тѣхъ трехъ классахъ, какіе мы видимъ въ природѣ, и посмотримъ, не слѣдуетъ ли надъ этими тремя степенями признать еще четвертую, которая закончила бы собою систему творенія, по крайней мѣрѣ настолько, насколько мы въ состояніи познать это въ нашемъ настоящемъ состояніи.

Въ мірѣ растительномъ только родъ существуетъ дѣйствительно; индивидуумъ есть не что иное какъ его представитель. Посадите розу въ средѣ благоприятной для ея развитія; она будетъ тѣмъ, чѣмъ могла бы быть всякая другая роза при тѣхъ же условіяхъ. Языкъ дастъ индивидуумамъ въ мірѣ растительномъ названіе экземпляровъ. Это потому, что

*

они только представляют родъ, какъ экземпляры фотографіи воспроизводятъ всё одинаково стереотипную доску. Собственно говоря существуетъ только одна роза, родъ розы, которая живетъ и возрождается непрестанно въ тѣхъ преходящихъ формахъ, въ коихъ она является. Растеніе есть какъ-бы недѣлимое наследственное имущество, въ которомъ каждый участникъ живетъ въ массѣ и для массы. У растеній, слѣдовательно, собственно индивидуумъ не существуетъ, а существуетъ только родъ.

У животнаго родъ есть тоже главное; но индивидуальность начинаеть уже проявляться, индивидуумъ уже составляетъ отдѣльную самость. Но тѣмъ не менѣе онъ только слѣпой слуга рода, его рабъ. Животное управляется инстинктомъ. А что такое инстинктъ, какъ не власть рода въ индивидуумѣ? Поворный этому непреодолимому и безсознательному почти закону, индивидуумъ не способенъ рѣшиться на что либо по собственному произволу. Отъ этого отсутствія свободной воли происходитъ невозможность прогресса. Левъ нынѣшняго времени дѣлаетъ тоже, что дѣлали его предки и что будутъ дѣлать самые отдаленные его потомки. Если только человекъ не займется дрессировкой его, животное будетъ постоянно обращаться въ томъ кругѣ, въ который заключилъ его инстинктъ. Индивидуумъ здѣсь—узникъ рода, узникъ, которому не дозволено выходить изъ его узкой темницы.

Переходъ отъ животнаго къ человеку обозначается обратнымъ порядкомъ этихъ отношеній. Родъ, конечно, существуетъ и у человека. Мы говоримъ, и въ правѣ говорить о родѣ человеческомъ. У человека, точно такъ какъ у животнаго, родъ есть первоначальное основаніе, основаніе темное, таинственное, на которомъ рѣзко выдѣляется всякое индивидуальное существованіе. Но,—и вотъ въ чемъ состоитъ обратный порядокъ отношеній—законъ инстинкта, этотъ скипетръ

рода, хотя даетъ чувствовать и человѣку свое могущество, но не господствуетъ надъ нимъ безусловно, слѣпо. Человѣкъ можетъ бороться съ природными влеченіями; онъ можетъ даже, при свѣтѣ разума и совѣсти, побѣдить свои склонности и принести ихъ въ жертву нравственному долгу. Узникъ можетъ отворить дверь своей темницы и выйти изъ нея. А если можетъ, то и долженъ. Индивидуумъ становится вполне человекомъ только тогда, когда пользуется своимъ преимуществомъ. А если не пользуется, то онъ равенъ животному и даже ниже его. Къ этой способности человека освобождаться отъ природныхъ склонностей присоединяется еще способность духовнаго усовершенствованія. Инстинктъ есть только колыбель и временная охрана индивидуума при его появленіи. Какъ только онъ перешелъ эту границу, разрушилъ эту преграду актомъ свободной разумной воли,—онъ видитъ предъ собой путь усовершенствованія индивидуальнаго и социальнаго. Родъ существуетъ, слѣдовательно, и у человѣка; но индивидуумъ можетъ освободиться отъ его узъ, и его высшее призваніе состоитъ въ томъ, чтобы освободиться совершенно отъ закона рода и сознать вполне свое я.

Отъ сравненія между собою тѣхъ трехъ формъ существованія, какія мы замѣчаемъ въ видимой природѣ, вытекаетъ съ очевидностію законъ постепеннаго перевѣса индивидуума надъ родомъ. На первой ступени индивидуумъ не существуетъ въ дѣйствительности; на второй—онъ существуетъ, но рабски подчиненъ роду; на третьей онъ является свободнымъ и будущее назначеніе его есть полное, совершенное освобожденіе. Не существуетъ ли еще четвертое царство, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вышее третьяго, которое заканчиваетъ собой систему? Въ математической серіи можно зная три члена узнать съ достовѣрностію слѣдующій. Два среднія предложенія позволяютъ заключить отъ перваго крайняго

члена ко второму, еще неизвѣстному. Животное и человѣкъ не суть ли въ системѣ жизни два среднія предложенія, въ силу коихъ можно перейти отъ перваго крайняго члена—растенія, ко второму еще неизвѣстному, но противоположному, служащему дополненіемъ перваго?

Мы признали у растеній родъ безъ индивидуума; у животныхъ индивидуумъ, проявляющійся въ родѣ, но несвободный; у человѣка родъ постепенно теряетъ свое значеніе, а индивидуумъ пріобрѣтаетъ все большую власть. Что же составляетъ четвертый членъ? Такая форма существованія, въ которой родъ—ничто, а индивидуумъ—все. Не таковъ ли долженъ быть ангелъ? Такая форма существованія, при внимательномъ размышленіи о ней, должна быть чрезвычайно проста и гораздо менѣе сложна чѣмъ наша. Ликъ существъ, у которыхъ родъ не существуетъ, есть такой классъ индивидуумовъ, гдѣ ни одинъ не обязанъ своимъ существованіемъ родителямъ подобнымъ себѣ, а каждый происходитъ непосредственно отъ творческой воли, какъ пронзитель въ родѣ человѣческомъ первый человѣкъ.

И замѣтимъ, что такъ именно свящ. Писаніе и изображаетъ намъ существованіе ангеловъ. Тогда какъ, говоря о насъ, оно употребляетъ часто выраженіе *сыны человеческіе*, ангеловъ оно называетъ не иначе какъ *сынами Божиими*, и никогда—*сынами ангельскими*. Почему такъ? Потому что они получили бытіе путемъ творенія, а не рожденія. Въ самомъ ясномъ указаніи, какое мы находимъ въ свящ. Писаніи о природѣ ангеловъ, Иисусъ Христосъ сравниваетъ прославленныхъ вѣрныхъ съ ними. *Сынове вѣка сего*, говоритъ Онъ, *женятся и посягаютъ: а сподобившіися такъ онъ узрѣти и воскресеніе, еже отъ мертвыхъ, ни женятся ни посягаютъ. Ни умрети бо ктому могутъ; равни бо суть ангеломъ и сынове суть Божіи, воскреснія сынове суще* (Лук. 20, 34—36).

Въ этомъ ученіи о природѣ ангеловъ мы замѣчаемъ четыре главныя черты: 1) эти существа имѣютъ нѣчто, напоминающее собою наше тѣло, потому что тѣло воскресшихъ должно быть похоже на ихъ тѣло; 2) это тѣло получено ими не путемъ рожденія, а непосредственнымъ твореніемъ, такъ какъ Іисусъ Христосъ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ тѣломъ вѣрныхъ послѣ воскресенія. Въ силу этого сходства ангелы и человѣки называются, въ этомъ будущемъ существованіи, *сынами Божиими*; 3) отношенія супружескія не существуютъ ни у тѣхъ ни у другихъ; 4) этому освобожденію соотвѣтствуетъ, какъ для тѣхъ такъ и для другихъ, освобожденіе отъ смерти. Это столь ясное содержаніе ученія Іисуса Христа не согласуется ли во всѣхъ отношеніяхъ съ тѣмъ результатомъ, къ которому привело насъ внимательное изученіе тѣхъ существъ, которыя мы видимъ въ природѣ?

Если такимъ образомъ нашъ выводъ основателенъ, если мы вѣримъ словамъ Іисуса Христа; то мы можемъ смотрѣть на вопросъ о бытіи и природѣ ангеловъ какъ на вопросъ рѣшенный, и сдѣлать второй шагъ въ этомъ изученіи,—разсмотрѣть вопросъ о томъ, каковъ можетъ быть образъ развитія этихъ существъ.

II.

Мы видимъ предъ собою лѣстницу: на нижней ступени ея родъ безъ индивидуума; выше—родъ съ индивидуумомъ; еще выше—индивидуумъ господствующій надъ родомъ; на вершинѣ наконецъ индивидуумъ безъ рода—ангелъ. Ниже этой лѣстницы живыхъ тварей, какъ почва, на которой она стоитъ, находится неорганическое вещество, лишенное какъ индивидуальной такъ и коллективной жизни; а на неизмѣримой высотѣ надъ этой лѣстницей мы знаемъ Существо, которое со-

держитъ ее въ своей рукѣ и въ которомъ родъ и индивидуумъ составляютъ одно—Богъ. Ангель, слѣдовательно, имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ системѣ тварей. Можемъ ли мы знать что либо изъ его исторіи?

Сначала—по отношенію къ внѣшней формѣ. Воображеніе живописцевъ облекло граціозной формой существованіе ангеловъ. Не будемъ слишкомъ матеріализировать эти существа, представляя ихъ имѣющими дѣйствительно ноги и крылья. Но не будемъ и отвергать эту мысль съ презрѣніемъ; они несомнѣнно имѣютъ организмъ, хотя, конечно, совершенно отличный отъ нашего.

Если они имѣютъ тѣло, то должны имѣть и жилище. Что это за жилище? Не обитатели ли они звѣзднаго неба? Такимъ образомъ объяснится двойкій смыслъ выраженія, часто употребляемаго въ свѣщ. Писаніи, «*Богъ воинствъ*», выраженія, которое означаетъ вмѣстѣ и Бога свѣтилъ и Бога ангеловъ. Съ этой же точки зрѣнія понятно прошеніе молитвы Господней: *да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли*. Но, можетъ быть, есть другія сферы бытія, отличающіяся отъ сферы обитасмой нами не столько разстояніемъ мѣста, сколько совершенно иной природой и иными свойствами? Когда Иисусъ Христосъ говоритъ о тѣхъ, коихъ Онъ называетъ *малыми*, что ихъ *ангелы выну видятъ лице Отца небеснаго*, т. е. суть существа наиболѣе близкія къ престолу Божію, то мы не должны представлять ихъ обитателями тѣхъ блестящихъ свѣтилъ, которыя украшаютъ наше видимое небо. Они вмѣстѣ и выше и ниже: выше потому, что окружаютъ престолъ Божій, а ниже потому, что такъ близки къ слабымъ земнымъ существамъ, имѣющимъ нужду въ ихъ покровительствѣ. Небо—ихъ жилище не отдѣляется отъ нашей сферы мѣстнымъ разстояніемъ, а можетъ быть проникаетъ нашу серу, какъ электричество проникаетъ осязаемое вещество.

Что касается до нравственнаго развитія ангеловъ, то мы знаемъ, во первыхъ, что они существа свободныя. Это показываетъ уже самое мѣсто, занимаемое ими въ лѣстницѣ живыхъ существъ. Свободный отъ узъ рода, слѣдовательно отъ могущества слѣпаго инстинкта, ангелъ долженъ быть свободнѣе человѣка, который влечить за собою тяжелую цѣпь коллективнаго существованія и взаимнаго обязательства рода. Законъ существа свободнаго есть испытаніе. Вскорѣ послѣ того какъ человѣкъ былъ созданъ и вступилъ на поприще своей дѣятельности, онъ былъ подвергнутъ испытанію. Свободный выборъ между повиновеніемъ и ослушаніемъ—вотъ первое испытаніе, данное Богомъ своему свободному созданію. И что такое вся жизнь человѣческая, какъ не родъ испытаній, изъ которыхъ мы выходимъ или добровольно подчиненными, послушными, или же упорно сопротивляющимися, мятежными? Отдать себя всецѣло Богу, или противиться Ему, съ любовью признать надъ собой Его власть, или съ гордостью отречься отъ этой зависимости,—вотъ прогрессъ добра или зла, къ коему обязываетъ насъ опасное преимущество свободы. Если ангелъ свободенъ, какъ мы, и даже свободнѣе насъ, то и онъ не могъ избѣгнуть испытанія.

Мы знаемъ каково было испытаніе человѣка; оно было приспособлено къ его дѣтскому, невинному состоянію. Попытаемся ли приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ испытаніе, совершенно иное, конечно, которое дано было ангеламъ? Нѣтъ. Вспомнимъ только, что для самого человѣка бываютъ искушенія болѣе опасныя, такъ сказать, болѣе тонкія, чѣмъ искушенія тѣлесныя, соблазны чисто духовныя—гордость, властолюбіе, честолюбіе, злоупотребленіе умственными преимуществами и т. п. Подобнаго рода искушенія тѣмъ болѣе понятны у существа, котораго природа болѣе духовна и одарена болѣею свободой и болѣею независимостью личной.

Было испытаніе и для ангеловъ; свящ. Писаніе не говоритъ намъ, въ чемъ оно состояло, но показываетъ намъ его результатъ. Этотъ результатъ отличается отъ результата нашего испытанія въ главномъ пунктѣ: у насъ весь родъ Человѣческій палъ потому именно, что мы составляемъ родъ и что, при такомъ образѣ существованія, судьбы всѣхъ индивидуумовъ тѣсно связаны между собою. Человѣчество похоже на дерево, обремененное множествомъ вѣтвей. Срубите стволъ; этимъ однимъ ударомъ всѣ вѣтви отдѣлились отъ корня, какъ будто бы каждая изъ нихъ получила отдѣльный ударъ. Совершенно другое должно быть тамъ, гдѣ нѣтъ рода, поколѣнія. Если родъ Человѣческій можно сравнить съ деревомъ, имѣющимъ множество вѣтвей; то лишь ангельскій походитъ на лѣсъ, состоящій изъ множества деревьевъ, совершенно независимыхъ одно отъ другаго. У ангеловъ, слѣдовательно, испытаніе могло имѣть совершенно другой результатъ. И свящ. Писаніе подтверждаетъ наше предположеніе. Оно говоритъ намъ объ однихъ ангелахъ, что они *не соблюли своего начальства, но оставили свои жилищи* (Іуд. 6), что *они во истинѣ не стоятъ* (Іоан. 8, 44); другихъ же—называетъ *святыми ангелами* (Матѳ. 25, 31) *избранными* (1 Тим. 5, 21). Первые, слѣдовательно, не исполнили своего назначенія, свою волю поставили выше воли Творца своего. Такимъ образомъ они удалились отъ истины, которая въ Богѣ, и впади въ ложь. Самое существованіе ихъ сдѣлалось ложнымъ; они постоянно то обманываютъ, то обмануты. Они нигдѣ не находятъ для себя точки опоры. У нихъ нѣтъ Бога, отъ котораго они отпали и съ которымъ пребываютъ въ общеніи святые ангелы; у нихъ нѣтъ міра, который составляетъ хотя временное утѣшеніе для грѣшнаго Человѣка и съ которымъ самая природа ихъ органовъ не позволяетъ имъ вполне сообщаться. Они живутъ и дѣйствуютъ въ пустотѣ своей собственной субъек-

тивности. У нихъ нѣтъ другаго утѣшенія въ потерѣ Бога, какъ борьба противъ истины и добра, развращеніе другихъ свободныхъ существъ, которыхъ они хотятъ увлечь съ собою въ отступленіе отъ Бога, въ бездну гибели.

Святые ангелы, напротивъ, всегда покорные волѣ Божіей, содѣлались участниками Его могущества; они суть исполнители Его велѣній въ мірѣ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ свое назначеніе. Потому-то всѣ дѣла божественнаго могущества въ мірѣ ви́шнемъ приписываются имъ, и Сынъ человѣческій говорилъ о своихъ чудесахъ какъ объ *ангелахъ восходящихъ и нисходящихъ* (Іоан. 1, 51). Ихъ назначеніе быть посланниками небесными, орудіями Божіими, что выражается въ самомъ названіи—*ангелъ*.

III.

Какія отношенія существуютъ между ангелами? Составляютъ ли они іерархію? Связаны ли между собой какою либо организаціей?

Нигдѣ на землѣ мы не видимъ полнаго равенства; и чѣмъ выше мы восходимъ по лѣстницѣ существъ, тѣмъ замѣтнѣе различіе власти съ одной стороны и подчиненности съ другой, различіе, связывающее существа между собою. Три формы неравенства, едва замѣтныя у животныхъ, у человѣка ясно обрисовываются: въ средѣ семейной власть природная, принадлежащая родителямъ; въ государствѣ власть общественнаго положенія; въ обществѣ вообще власть умственнаго вліянія.

Первая изъ этихъ трехъ формъ неравенства не можетъ существовать у ангеловъ; что касается до второй, то ап. Павелъ говоритъ намъ о *престолахъ, началахъ, господствіяхъ, властяхъ*: названія, очевидно, означающія степени іерархіи (Еф. 1, 21; Кол. 1, 16 и др.). Что же касается до власти ум-

ственного вліянія,—мы можемъ признать ее, даже независимо отъ свидѣтельства свѣщ. Писанія. Вездѣ на землѣ не встрѣчаются ли намъ съ одной стороны личности вліяющія, съ другой подчиняющіяся этому вліянію? Общество человѣческое похоже на пирамиду; на самыхъ нижнихъ ступеняхъ ея помѣщается толпа не имѣющая ни мысли, ни собственной воли; выше ея находятся таланты, распространяющіе съ нѣкоторымъ могуществомъ повелѣнія, данныя имъ отъ тѣхъ, которые помѣщаются еще выше. На самой же вершинѣ—небольшомъ мѣстѣ, назначенномъ для малаго числа избранныхъ, возвышаются гении, которые отрываютъ для мысли человѣка новые горизонты и создаютъ новые пути для его дѣятельности. Если такова разница умственного вліянія въ родѣ человѣческомъ, то не тѣмъ ли болѣе она можетъ быть у ангеловъ—у существъ, превосходящихъ насъ и въ разумѣ и въ свободѣ? Въѣра церкви нашей насчитываетъ девять чиновъ ангельскихъ, и ихъ раздѣляетъ на три лика. Ангелы низшихъ чиновъ, находясь подъ вліяніемъ высшихъ, отъ нихъ научаются познанію Божіихъ дѣлъ.

Между вождями ангеловъ свѣщ. Писаніе именуетъ трехъ,—двухъ между избранными ангелами и одного между падшими.

Имена первыхъ двухъ—Михаилъ и Гавріилъ; въ самыхъ именахъ ихъ выражается роль, какую они исполняютъ въ дѣлѣ Божіемъ. Михаилъ значитъ: *кто яко Богъ?* И вотъ это существо, занимающее самое высшее мѣсто въ лѣстницѣ созданныхъ существъ, проникнуто однимъ чувствомъ—чувствомъ благоговѣнія къ величію и славѣ Создателя. Ревность по славѣ Его—душа его дѣятельности. Изъ этого-то чувства проистекаетъ самая природа этой дѣятельности, которая состоитъ въ томъ, чтобы разрушать все, что дерзаетъ или ставить себя наравнѣ съ Богомъ или противиться Ему, въ особенности—идолопо-

клонство въ его различныхъ формахъ. Въ ветхомъ Завѣтѣ, такъ же какъ и въ новомъ, Михаилъ является покровителемъ Израиля и единобожія, коего хранителемъ былъ этотъ народъ, а также побѣдителемъ сатаны и разрушителемъ его дѣлъ. (Дан. 10, 13; 12, 1; Іуд. 9; Апок. 12, 7). Этотъ архангелъ приготавливаетъ дѣло, которое совершитъ Мессія, какъ судія міра.

Гавріилъ, имя другаго архангела, означаетъ *человекъ сильный* или *исрой Божій*. Онъ дѣятельный исполнитель предначертаній Божіихъ. Тогда какъ Михаилъ уничтожаетъ и поражаетъ все, что противится исполненію этихъ предначертаній, Гавріилъ ускоряетъ ихъ осуществленіе. Это онъ являлся пророку Даниилу и возвѣстилъ ему какъ время возвращенія народа Божія изъ плѣна вавилонскаго, такъ и время явленія Мессіи; онъ же въ новомъ Завѣтѣ благовѣстилъ пресвятой Дѣвѣ Маріи рожденіе отъ нея Спасителя міра. Это небесный евангелистъ, ангельскій предтеча Мессіи, какъ Искунителя нашего.

Если есть вожди между святыми ангелами, то вѣроятно есть и между падшими. Свящ. Писаніе говоритъ намъ только объ одномъ, называя его сатаною, т. е. противникомъ. Это имя показываетъ его отношеніе къ Богу; а *дѣволъ*, слово означающее *клевещникъ*, показываетъ его отношеніе къ человѣку. Могущество и власть, приписываемая свящ. Писаніемъ этому существу послѣ паденія, свидѣлствуютъ о томъ высокомъ значеніи и томъ совершенствѣ, какія онъ имѣлъ до паденія. Притомъ вотъ многозначительный фактъ: онъ дерзнулъ бороться съ Сыномъ Божіимъ. Конечно, ничто не дастъ намъ права думать, чтобы онъ говорилъ ложь, когда, показывая Иисусу Христу всѣ царства міра и славу ихъ, сказалъ: все это предано мнѣ (Лук. 4. 6). Иисусъ Христосъ подтверждаетъ истину этихъ словъ, называя его *имземъ*

міра сею. Земля паша, какъ видно, составляла часть его владѣній. Онъ законопно господствовалъ на ней до того времени, когда изъ подданнаго захотѣлъ сдѣлаться владыкой. Онъ и теперь живетъ въ сферѣ высшей чѣмъ наша, но не удаленной отъ нашей; ибо св. Павелъ называетъ его *духомъ злобы поднебесный* (Еф. 6, 12.). Оттуда-то, изъ этой сферы поднебесной онъ, съ полчищемъ подобныхъ себѣ существъ, подчиненныхъ его вліянію, господствуетъ и до сихъ поръ надъ той частью человѣческаго рода, которая не освобождена еще Іисусомъ Христомъ отъ его власти.

IV

Мы дошли наконецъ до вопроса, наиболѣе важнаго для насъ—вопроса объ отношеніяхъ ангеловъ къ человѣчеству. Аналогія историческая, можетъ быть, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. До пришествія Христова казалось, что народъ израильскій былъ отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ народовъ каменной стѣной. Греки и римляне были на первомъ планѣ; Израиль, по отдаленности и изолированности своего положенія, казалось, не имѣлъ никакихъ сношеній съ этими великими историческими дѣятелями. Однакоже болѣе близкое знакомство съ исторіей показываетъ намъ, что развитіе этихъ народовъ во многихъ отношеніяхъ шло рядомъ съ развитіемъ народа Божія. Возрастала исторія, возрастало вмѣстѣ съ ней и вліяніе этого единственнаго народа, до тѣхъ поръ, пока преграда пала и оба теченія—іудейское и языческое слились вмѣстѣ. Это сліяніе совершилось въ церкви и закончило собою древнюю исторію. Этотъ результатъ былъ устроенъ Промысломъ Божиимъ; онъ былъ предсказанъ. Отъ начала міра Богъ направлялъ все къ этой цѣли—къ единству рода человѣческаго посредствомъ Евангелія.

Но есть единство болѣе обширное, чѣмъ единство рода человѣческаго,—единство всѣхъ тварей, составляющихъ міръ нравственный, въ царствѣ небесномъ. Какъ въ древнемъ мірѣ Богъ приготовлялъ все къ осуществленію перваго единства, которое началось со времени пришествія на землю Іисуса Христа; такъ Онъ уготовляетъ и другое, болѣе обширное единство, которое совершитъ Іисусъ Христосъ во второе свое славное пришествіе.

Стоитъ только внимательно размыслить, чтобы удостовѣриться въ тѣхъ отношеніяхъ, какія соединяють родъ человѣческій съ ликомъ ангеловъ, отношеніяхъ, дѣлающихъ изъ нашей маленькой человѣческой исторіи только эпизодъ великой всемірной исторіи. Начнемъ съ падшихъ ангеловъ. Искушеніе и паденіе перваго человѣка, а еще прежде самое созданіе его—вогъ первые памятники отношеній, существующихъ между обѣими сферами. Сатана въ первоначальномъ своемъ состояніи былъ владыкой, которому поручено было управленіе землей. Если же такъ, то что означаютъ слова, сказанныя Богомъ человѣку тотчасъ послѣ его созданія: господствуй надъ землею и надъ всѣмъ, что на ней? Богъ отнынѣ устраняетъ сатану и даетъ землѣ новаго владыку. Человѣкъ такимъ образомъ сдѣлался соперникомъ сатаны, соперникомъ, посредствомъ котораго Богу угодно было исхитить власть изъ рукъ діавола. Такимъ образомъ понятна та ревность, съ какою діаволъ старался съ самаго пачата о томъ, чтобы отвлечь человѣка отъ послушанія и увлечь его въ отступленіе отъ Бога. Что можетъ быть желательнѣе и пріятнѣе для врага, какъ привлечь на свою сторону ту самую армію, которая была послана для его погибели, и вмѣстѣ съ нею пойти противъ посланнаго ея?

Но что значать всѣ козни діавола противъ высочайшей премудрости? Паденіе человѣка—это великое дѣло хитрости

и злобы дѣвольской послужило только къ большому прославленію премудрости Промыслителя.

Черезъ грѣхопаденіе чловѣка сатана остается на время владыкой этой земли; онъ даже пріобрѣтаетъ однимъ подданнымъ больше. Тотъ, который долженъ былъ отнять у него господство, дѣлается его союзникомъ, его рабомъ; и какихъ поношеній онъ не паноситъ своему несчастному узнику? Какихъ тяжелыхъ цѣпей не налагаетъ онъ на него? Идолопоклонство со всѣми его постыдными обрядами, смерть съ ея страшными мученіями, война съ ея кровавыми ужасами, въ особенности же грѣхъ съ его мерзостями и угрызеніями совѣсти, — вотъ памятники власти сатаны надъ чловѣчествомъ, трофеи его могущества на землѣ!

Что же дѣлаетъ Богъ? Уничтожаетъ ли Онъ своего и нашего противника? Но уничтожить не значитъ побѣдить. Чтобы побѣдить въ борьбѣ, подобной этой, надобно смутить, посрамить, и тѣмъ выказать не силу, а величіе свое.

Видите ли вы этого Младенца въ ясляхъ? Вотъ новый соперникъ князю міра сего. Сатана—твореніе дерзнулъ мечтать о независимости и славѣ, свойственной одному Божеству. И вотъ Богъ посылаетъ на землю Сына своего. Сынъ Божій принимаетъ естество чловѣческое, Слово дѣлается плотію. Въ самомъ смиренномъ образѣ жизни чловѣческой Онъ осуществляетъ ту полнѣйшую зависимость отъ Бога, отъ которой отказался первый чловѣкъ. Сатана почувствовалъ теперь въ чловѣчествѣ начало, противящееся ему, увидѣлъ, что могуществу его угрожаетъ опасность. Онъ является, и какъ нѣкогда боролся въ раю, борется въ пустынѣ. Но въ этотъ разъ встрѣчаетъ побѣдителя. Иисусъ Христосъ остается твердымъ и непоколебимымъ, не смотря на всѣ его искушенія. Полнѣйшая преданность Богу—отвѣтъ на всѣ его хитрыя предложенія. Все послѣдующее служеніе Иисуса Христа слу-

жить подтвержденіемъ той всецѣлой преданности, какую Онъ явилъ въ пустынѣ. Послѣ окончанія великаго дѣла искупленія Онъ дѣлается вѣнчающимъ Владыкой земли. Міръ переходитъ въ другія руки, сатана сверженъ, власть его отнята и передана Иисусу Христу; а Онъ передаетъ ее всему человечеству, какъ представитель котораго Онъ боролся, повиновался и побѣдилъ.

Такая передача возможна въ силу взаимнаго обязательства рода, свойственнаго человечеству. Человѣчество, составляя родъ, можетъ быть спасено однимъ, такъ же какъ могло пасть чрезъ одного. Такой образъ спасенія неприменимъ, конечно, къ падшимъ ангеламъ, которые не составляютъ рода, а суть индивидуумы. Потому-то сказано, что Христосъ не отъ ангелъ когда пріемлетъ, но отъ стѣмене Авраамова пріемлетъ (Евр. 2, 16).

Сатана и его полчище борются съ ожесточеніемъ противъ этого новаго могущества, отнявшаго ихъ власть. Изъ *поднебесныхъ* обитателей своихъ, изъ этихъ высшихъ сферъ, въ которыхъ они живутъ и откуда дѣйствуютъ, своимъ вліяніемъ они стараются замедлить распространеніе евангелія въ мірѣ. Но Христосъ утвердилъ свою церковь на твердомъ основаніи, и врата ада не одолѣютъ ее. Власть сатаны понижается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ возвышается и усиливается царство Христово. Легко предвидѣть, чѣмъ кончится эта борьба.

Какое участіе принимаютъ ангелы въ дѣлѣ спасенія человечества? Роль ихъ созерцательная и вмѣстѣ дѣятельная.

Они привѣтствовали радостными кликами твореніе человека. Человѣкъ явился въ мірѣ, говоритъ Іовъ, среди пѣсень торжества сыновъ Божіихъ и кликовъ радости утреннихъ звѣздъ. Позже они были помощниками и служителями пророковъ, кои приготавлиали человечество къ принятію Спасителя.

Какъ только родился Иисусъ Христосъ,—они воспѣли хвалебную пѣснь Богу и во все продолженіе земной жизни Его служили Ему, восходя и нисходя по Его повелѣнію. Въ часъ совершенія великой жертвы, они съ благоговѣніемъ и ужасомъ взирали на эту бездну милосердія Божія. Наконецъ, они первые проповѣдали воскресеніе Христово, какъ первые благовѣствовали о Его рожденіи.

Съ этой минуты взоръ ихъ постоянно устремленъ на церковь. Они созерцаютъ съ благоговѣніемъ великое дѣло благодатнаго Промысла Божія. *Да скажется нынѣ, говоритъ ап. Павелъ, началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). На этомъ духовномъ зрѣлищѣ ангелы изучаютъ многоразличные пути, коими Отецъ небесный обращаетъ къ Сыну своему сердца грѣшниковъ и спасаетъ погибшихъ. Для нихъ радость и торжество, когда они видятъ, что одно изъ чадъ, бывшее мертвымъ, возвращено къ жизни.

Такимъ образомъ, созерцая дѣла Божія они поучаются, усовершенуются, радуются, плачутъ иногда и всегда благоговѣютъ. Но они не только созерцаютъ, но и дѣйствуютъ въ церкви. Они, говоритъ ап. Павелъ, *служебнии души, въ служеніе посылаеми за желающихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1, 14). Самые высокіе изъ нихъ не считаютъ для себя низкимъ охранять самыхъ слабыхъ и малыхъ между вѣрными. Это подтверждаетъ намъ самъ Иисусъ Христосъ.

Но, скажете вы, на что намъ это присутствіе и охраненіе отъ ангеловъ? Развѣ Богъ не можетъ избавить насъ отъ зла своимъ Промысломъ и своимъ всемогуществомъ, безъ посредства этихъ существъ? Конечно, могъ бы; но въ такомъ случаѣ спросите также: почему рождающееся дитя находитъ, при вступленіи въ жизнь, руки полныя любви и нѣжности, которыя лелеютъ о немъ? Богъ развѣ не могъ бы самъ хра-

нить и питать дитя? Спросите еще: почему въ этой опасности, которой вы подвергались, Богъ спасъ васъ посредствомъ одного изъ вашихъ ближнихъ, а не сдѣлалъ этого своею собственною рукою? Это потому, что Богъ не хочетъ, чтобы узы благодарности, связывающіе навсегда облагодѣтельствованнаго съ благодѣтелемъ, существовали только между Имъ и нами.. Богу угодно, чтобы мы, кромѣ любви къ Нему, питали любовь къ ближнимъ нашимъ. *Богъ любви есть*, а потому цѣль всѣхъ дѣйствій Его—распространеніе любви между всѣми созданіями. Любовь Его ко всѣмъ, любовь всѣхъ къ Нему, любовь всѣхъ между собою: вотъ въ чемъ состоитъ величіе Его царствованія. Потому-то Онъ хочетъ, чтобы мы помогали другъ другу и чтобы эта связь взаимнаго вспоможенія существовала и между ангелами и нами. Такимъ образомъ Онъ приготовляетъ насъ къ тому времени, когда ангелы и чело-вѣки—эти два рода существъ, болѣе отличные между собою чѣмъ іудеи и язычники—тѣсно соединятся между собою въ Его царствѣ и составятъ едино тѣло.

Наконецъ это отношеніе между ангелами и человѣческимъ родомъ, начавшееся отъ начала міра, укрѣпившееся въ продолженіе всего ихъ развитія, будетъ запечатлѣно послѣднимъ, высокимъ фактомъ. Съ одной стороны люди будутъ судить ангеловъ: *не висте ли*, говоритъ ап. Павелъ, *яко ангеловъ (злыхъ ангеловъ) судити имамы, а не токмо житиескихъ* (Кор. 6, 3); съ другой стороны ангелы отдѣлятъ плеве-лы отъ добраго сѣмени, доброе сѣмя соберутъ, а плеве-лы сожгутъ огнемъ геенскимъ. Объ этомъ говоритъ намъ самъ Іисусъ Христосъ (Мате. 13, 39 и д.).

И послѣ того, какъ каждый изъ этихъ двухъ классовъ существъ этимъ взаимнымъ судомъ воздастъ должную дань святости божественной, цѣль путей Божіихъ будетъ достигнута. Эту цѣль Богъ поставляетъ въ томъ, чтобы *примирити*

всѣческая въ себѣ, умиротворивъ кровію креста его, чрезъ него, еще земная еще ли небесная (Кол. 1, 20); въ смотрѣніе исполненія вѣременъ, возлѣбавити всѣческую о Христѣ, яже на небесахъ и яже на земли въ немъ (Еф. 1, 10). И какъ два великія теченія древняго міра, іудейское и языческое, послѣ постепенныхъ сближеній соединились наконецъ въ церкви Христовой: такъ точно два великіе классы существъ, изъ коихъ состоитъ міръ нравственный—люди и ангелы, послѣ цѣлаго ряда взаимныхъ сближеній, соединятся подъ властію Іисуса Христа—Творца и Владыки ангеловъ, Творца, Спасителя и Владыки людей и Судіи всѣхъ.

Такимъ образомъ къ вѣрѣ въ бытіе и дѣятельность ангеловъ насъ приводятъ природа, исторія и свящ. Писаніе. И кто не чувствуетъ теперь, какъ эта вѣра расширяетъ для насъ предѣлы вселенной и увеличиваетъ поприще дѣятельности божественной! Какъ видъ звѣзднаго неба расширяетъ до безпредѣльности наше понятіе о пространствѣ міра физическаго, такъ вѣра въ существованіе ангеловъ даетъ идею о безконечности царства Божіа. Какъ не почувствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой степени эта вѣра можетъ усилить наше отвращеніе отъ зла и нашъ страхъ къ нему! Не она ли научаетъ насъ видѣть въ каждомъ искушеніи сѣть, разставленную нашимъ смертельнымъ врагомъ для нашей гибели; въ каждомъ грѣхѣ—наше сообщество, не только преступное, но и безразсудное съ этимъ существомъ, ненавистнымъ и вреднымъ? Не чувствуемъ ли мы, наконецъ, какъ эта вѣра возвышаетъ въ нашемъ понятіи лице Искупителя? Онъ не только Глава людей, коихъ искупилъ своею кровію, но и Глава ангеловъ, коимъ далъ существованіе.—Торжественна была пѣснь, раздаваемая въ церкви, когда обращенные изъ іудеевъ и обращенные изъ язычниковъ соединили свои голоса: чтобы воспѣть вмѣстѣ гимнъ спасенія. И тѣ и другіе про-

славляли чудныя дѣла Божіи, но прославляли различно: первые воспѣвали Его правду въ исполненіи всѣхъ обѣтованій, данныхъ отцамъ ихъ; вторые прославляли Его безконечное милосердіе къ народамъ, которымъ ничего не было обѣщано и которые, несмотря на свое недостоинство, получили все (Римл. 15; 8. 9.). Сколь торжественнѣе будетъ та пѣснь, которую воспоютъ избранные ангелы и спасенные люди въ царствѣ небесномъ, прославляя вмѣстѣ величіе дѣлъ Божіихъ, но различными голосами! Одни голосомъ звонкимъ и полнымъ, голосомъ, котораго чистоту и ясность ничто не помрачало, будутъ восхвалять правду Божию, благословившую ихъ вѣрность; другіе голосомъ болѣе тихимъ и сдержаннымъ, какъ прилично существамъ, коихъ пѣніе началось среди плача, прославятъ милосердіе Божіе, изгладавшее грѣхъ. Ангелы покажутъ намъ свѣтлую лѣстницу, по которой они возвышались къ Богу, никогда не уклоняясь отъ добра, — удостовѣряя насъ собственнымъ примѣромъ въ возможности усовершенствованія въ добрѣ безъ паденія, хотя не безъ испытанія, прославляя такимъ образомъ святость и правду Божию, не позволяющую смотрѣть на грѣхъ какъ на что-либо необходимое и даже полезное. Мы же, люди, покажемъ имъ съ глубокимъ смиреніемъ темную пропасть грѣха, въ которую мы повергли себя и изъ которой извлекло насъ милосердіе Божіе, прославляя такимъ образомъ предъ ангелами милость, изобилующую тамъ, гдѣ изобиловалъ грѣхъ, которая превращая самое зло въ добро, совершила самое великое изъ чудесъ. Тогда эти два класса существъ, слившись во едино, воспоютъ вмѣстѣ ту пѣснь, которой приготовленіемъ была пѣснь, воспѣтая ангелами и пастырями въ ночь Рождества Христова: слава въ вышнихъ Богу! Аллилуія!